

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «АНАЛИТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Идеи Л.Н. Толстого о непостижимости истории человеческим разумом положены в основу настоящей статьи, посвященной исследованию метода междисциплинарного синтеза, призванного дать более адекватный образ исторической действительности.

... человек, который есть предмет истории... История рассматривает представление о жизни человека...

Л.Н. Толстой

История как живая действительность складывается из различных планов бытия. В одном случае это повседневные дела людей, лежащие на поверхности видимой действительности: это могут быть как дела «государей и толстосумов», так и поступки простых и безвестных людей с их заботами, надеждами, устремлениями. Историю этого плана называют «событийной», открывающейся взору в «индивидуальном измерении». Она подобна беспокойному морю с его волнами, вызванными мощными приливами и отливами. Будучи «сверхчуткой», она остро реагирует на мельчайшие социальные изменения. Но именно данное обстоятельство и делает историю этого плана самой «притягательной», самой «человечной», но и самой «коварной» одновременно. Эта «дымящаяся» история несет на себе отпечатки страстей людей, их мечтаний и иллюзий. Мир людей во все времена отличается некой «причудливостью», бесцельностью, бессмысленностью и «слепотой», свойственной всему живому; это «опасный» мир, ибо в водовороте мирской суеты он не чувствителен к «глубинным бесшумным токам», постепенно подтачивающим опоры существующего порядка в обществе. Какой-либо цели и направленности в этом людском муравейнике нет; напрасны будут всякие попытки отыскать смысл и последнюю цель истории. *«То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно, цели жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цель жизни теперь не случайно не существовала для него только в настоящую минуту, но он чувствовал, что ее нет и не может быть. И это-то отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье...»*

Эту историческую «мозаику» называют «пылью повседневности» (Ф. Бродель); иногда ее представляют в виде «дифференциала истории» (Л. Толстой), позволяющего посредством «бесконечно малых единиц» интегрировать знание до степени приближения («постижения») к законам истории («... на этом пути только лежит возможность уловления исторических законов...»).

В другом случае бытие истории предстает в виде массовых явлений, в которых принимают участие большие совокупности людей и все их действия подчинены осуществлению заранее планируемых целей. Такие свершения происходят в определенное время и на определенном пространстве; охватить их целиком, чтобы увидеть всех участников каких-либо событий и понять все происходящее очень трудно, практически невозможно. К подобным историческим событиям относятся войны, религиозные и политические движения, рост городов, складывание общенационального и

мирового рынка и т.д. Фабрицио дель Донго в битве при Ватерлоо видит только отдельные и не связанные друг с другом эпизоды сражения: *«... вдруг, пересекая угол широкой луговины, на краю которой он остановился, проскакали всадники: несколько генералов, а за ними - человек двадцать гусаров... Фабрицио насчитал четыре треуголки с золотыми галунами. Через четверть часа по нескольким словам, которыми перебросились гусары, скакавшие рядом с ним, он понял, что один из генералов — знаменитый маршал Ней. ...Выехав на поле, Фабрицио застал там генералов одних, без эскорта; пушки громыхали как будто все сильнее... Эскорт пустил лошадей вскачь; ехали по вспаханному полю, которое начиналось сразу от канала и все было усеяно трупами... Вдруг все поскакали галопом. Через несколько мгновений Фабрицио увидел, что шагах в двадцати перед ним вспаханная земля шевелится самым диковинным образом. ...В эту минуту эскорт мчался во весь опор, и наш герой понял, что земля взмetyвается со всех сторон комками из-за пушечных ядер. Но сколько он ни вглядывался в ту сторону... понять он ничего не мог... Эскорт снова двинулся и поскакал вслед за маршалом к пехотным дивизиям... Маршал направился к кавалерийским частям, довольно долго пробыл там и дал приказ атаковать неприятеля, но наш герой уже час или два не сознавал, что происходит вокруг... Вдруг вахмистр крикнул гусарам:*

- Эй, сукины дети, не видите, что ли? Император!

Тотчас же гусары рывкнули:

-Да здравствует император!

Когда отряд выбрался из ложины, Фабрицио заметил, что маршал Ней куда-то исчез, а вместо него впереди эскорта ехал другой генерал - высокий, худощавый, с суровым лицом и грозным взглядом... полк весь день был убежден в победе, а теперь, внезапно атакованный целой тучей прусской кавалерии, отступал, точнее сказать, бежал, в сторону Франции».

Но не только рядовые участники массовых событий - такие, как Фабрицио или Безухов - не могут понять всего происходящего в силу того, что, например, на поле битвы действуют бесчисленное количество причин в виде целей людей, отчаянно борющихся за жизнь; все их стремления и побуждения пересекаются и переплетаются, следствием чего оказывается, что конечный результат во всей отчетливости и ясности предвидеть практически невозможно. В аналогичном положении находятся и те личности, которым в силу их особой роли необходимо управлять тем или иным процессом, например, сражением и предвидеть его результаты. *«И не Наполеон распоряжался ходом сра-*

жизнь, потому что из диспозиции его ничего не было исполнено и во время сражения он не знал про то, что происходило впереди его. Стало быть, и то, каким образом эти люди убивали друг друга, происходило не по воле Наполеона, а шло независимо от него, по воле сотен тысяч людей, участвующих в общем деле. Наполеону казалось только, что все дело происходило по воле его». «Он (Кутузов. - Ю.П.) не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему. ...Он выслушивая привозимые ему донесения, отдавал приказания, когда это требовалось подчиненными; но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом слов того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи доносивших интересовало его. Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Исторические события совершаются независимо от воли великой личности; они есть среднестатистический результат пересечения причинных рядов, идущих от бесчисленных побуждений участвующих в нем персонажей, и этот результат может существенно отличаться от первоначальных замыслов исторических героев. «Всякое сражение — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое - всякое совершается не так, как предполагали его распорядители. Это есть существенное условие.

Бесчисленное количество свободных сил (ибо нигде человек не бывает свободнее, как во время сражения, где дело идет о жизни и смерти) влияет на направление сражения, и это направление никогда не может быть известно вперед и никогда не совпадает с направлением какой-нибудь одной силы.

Ежели многие, одновременно и разнообразно направленные силы действуют на какое-нибудь тело, то направление движения этого тела не может совпадать ни с одной из сил; а будет всегда среднее, кратчайшее направление, то, что в механике выражается диагональю параллелограмма сил».

В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого сосредоточен огромный опыт размышления об истории, подчеркивает известный французский философ П. Рикер. Большое впечатление производит идея о том, что «исторические события не поддаются обобщению. Толстой говорит о том, что никто не способен сделать вывода по поводу войны между Францией и Россией, потому что никто не видел самого феномена войны в целом, но каждый обладает отдельным фрагментом ограниченного опыта, и если бы удалось обобщить эти многочисленные фрагменты, то был бы выявлен смысл истории, но это невозможно. Вот почему история неподвластна человеческому разуму» [1. С. 126]. В историческом исследовании всегда отсутствует такое знание, которое необходимо для исчерпывающего представления о прошлом.

В третьем случае бытие истории непостижимо в силу того, что эмпирического познания недостаточно

для проникновения в смысл истории, последние основания исторической действительности. Историк оперирует источниками и памятниками прошлого; он собирает материал в виде исторических фактов и выстраивает между ними определенную зависимость. Однако каков бы ни был собранный материал, его оказывается недостаточно, когда историк начинает рефлексировать по поводу единства исторического процесса, его движения к чему-то, что может рассматриваться как разрешающий финал истории; рефлексия относительно того, есть ли во всем многообразии жизни какой-то план и смысл, для чего люди платят слишком дорогую цену за то, что происходит в живой действительности, почему так часты нелепости и различного рода алогизмы, - рефлексия по этому поводу лишь показывает, что проникнуть в тайны истории невозможно. Скрыт от человека глубинный план бытия; бессильным оказывается он, когда встречается с подобными вопросами - «великими и страшными вопросами». «Пути Господни неисповедимы!». «Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее... ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях...». Непостижимость истории объясняется тем, что она предстает трансцендентальным субъектом по отношению к эмпирическому субъекту - историку, изучающему прошлое. Его опыт, ограниченный в пространстве и времени, несоизмерим с безграничностью и вневременностью всемирной истории; неспособность охватить индивидуальным умом поле истории - деятельность предшествующих поколений людей, развертывающуюся на бескрайних просторах истории и уходящую в глубокую древность, начало которой от нас скрыто - делает область знания о ней трансцендентной. Трансцендентный план истории неразрешим: исследователь, рефлектируя по поводу вопросов, выходящих по сути дела за границы истории, отсылает их к самому себе; философствование по поводу метафизических сущностей означает, что субъект вопрошает о вневременном, вечном и безграничном, внепространственном, будучи сам ограниченным в пространстве и времени. Получается, что в конечном счете субъект вступил «в диалог вопроса с собой и о себе», он ввязывается «в соотношение вопроса с самим собой», приходит «к своему собственному отражению, размышлению, рефлексии и вопрошанию в себе и о себе» [2]. Любая философия истории есть знание не об объективной истории, но о мышлении философа (историка), создающего в своем воображении ту или иную метафизическую концепцию; философия истории скорее есть разум, нежели знание, и все рассуждения о финале или конце истории относятся к области мифологического сознания, нежели принадлежат к рациональному способу познания истории.

Своеобразие науки о человеке, каковой предстает история, невозможность проникновения в тайну прошлого делает вопрос о методах познания жизни людей в прошлом и настоящем особенно актуальным. Историческая наука всегда испытывала острую по-

требность в разработке научных методов, с помощью которых можно было бы проникнуть в тайну ушедшего, расширить горизонт исторического видения, понять смысл происходящего, обнаружить подлинные причины совершаемых явлений. Рефлексия по поводу познавательных возможностей исторического разума возникла относительно недавно: критический метод в исторической науке складывается в XVI-XVII вв. и был вызван необходимостью проверки исторических свидетельств. Основные принципы научного исследования были выработаны во второй половине XVII в. и сводились к «проверке правдивости» - отделению истинного знания от ложного. Революция в познании, связанная с философским скептицизмом, не отразилась на исследовательской практике исторической науки, ибо Декарт резко отрицательно относился к исторической мысли: для него история являлась не более чем «бегством от современности» («Но тот, кто чересчур много времени тратит на путешествия, становится, в конце концов, чужим в собственной стране...»). Вместе с тем декартовский скептицизм объективно сыграл положительную роль в развитии картезианской историографии: возникла новая школа исторической мысли, которая была основана на идее методологического сомнения. Основные правила, которыми должен руководствоваться историк, сводились к трем методологическим принципам:

1) нельзя опираться на авторитет настолько, чтобы верить в то, что с нашей точки зрения невозможно;

2) необходимо сопоставлять различные источники, чтобы исключить их противоречие друг другу;

3) письменные источники необходимо проверять неписьменными [3. С. 61].

Последующее развитие исторической науки подтверждает положение, что вопрос о способах или инструментах познания - своего рода «верстаке», за которым работает историк - оказывается главным во всей ее теоретической проблематике; романтизм, немецкий классический критицизм (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), марксизм, позитивизм, неокантианство, философия жизни, неогегельянство, аналитическая философия, экзистенциализм во главу угла поставили теоретическую разработку методов познания - «мысленную процедуру *обработки* фактов», заданную какой-либо целью. Под научным методом следует понимать и определенную процедуру наблюдения, и процедуру проведения эксперимента, что сопровождается одновременной работой чувств и разума; в любом случае речь идет о нахождении новых фактов [4]. Среди указанных философских школ и направлений французской школе «Анналов» («Анналы экономической и социальной истории» (1929) и после 1945 г. «Анналы. Экономика, общества, цивилизации») - этой «небольшой группе французских ученых» - принадлежит очень важная роль. Историки М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель отбросили классическую форму исследования и предложили «новые формы исторической науки». Бродель в предисловии к первому изданию своего фундаментального труда «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» следующим образом характеризует тот новый метод исследования, который не применялся до сих пор в практике исторического исследования и которому необходимо было

«придать значимость»: поскольку предметом исследования оказывалась история Средиземноморья «во всей ее неохватной сложности», когда бы ее следовало свести «к подлинной бьющей ключом жизни», прежняя методология, соответствующая представлению об истории как о политической истории, оказывалась непригодной - требовался прорыв в новые отрасли знания, такие, как экономика, политика, культура, демография, география, океанография, историческая геология, минералогия, флора и фауна и т.д. От историка требуется «панорамный взгляд», видение «незаурядного предмета», отличающегося от всех предыдущих тем исследования своей масштабностью - делами людей, развертывающимися в природном окружении, жизнью людей в пространстве. В свете подобного понимания задач исторической науки тема Средиземноморья приобретает у Броделя совершенно другой вид: море трактуется им как особый «исторический персонаж». Историк, пожелавший написать историю Средиземного моря в соотнесенности с человеком, сразу обнаружит, что «ее герой сложен, громоздок, неординарен, он не укладывается в привычные рамки. Обычный стиль историописания - «такой-то родился тогда-то» - к нему не подходит; к этому герою неприменим добросовестный рассказ о событиях, как они происходили; Средиземное море - не просто море, а «комплекс морей», к тому же морей, испещренных островами, рассеченных полуостровами, обрисованных изрезанными побережьями. Его жизнь неотделима от земли, его поэзия пронизана сельскими мотивами, его мореплаватели - одновременно крестьяне. Это в такой же степени море оливковых рощ и виноградников, как и море узких гребных судов и круглых купеческих кораблей, и его историю нельзя отграничить от мира суши...» [5. С. 15-16].

Широкий «панорамный взгляд» позволяет историку избежать узкого и ограниченного взгляда на историю как только на события политической жизни, которая происходит в «канцелярских кабинетах» при непосредственном участии «Мудрого Монарха» и свиты его дипломатов; попытка воссоздать подлинную историю как деятельность людей во времени и пространстве («географической среде») заставляет расширить предмет его изысканий и с необходимостью воспользоваться знанием из смежных областей: этнографии, географии, ботаники, геологии, инженерии. Итогом комплексного постижения предмета - Средиземного моря и средиземноморского мира в эпоху Филиппа II - явилась история, состоящая из трех частей: «Первая часть посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой; медленно текущей и мало подверженной изменениям истории ... Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме: это ... социальная история ... история групп и коллективных образований. ... Наконец, третья часть посвящена традиционной истории, если угодно, истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении, событийной истории...» [5. С. 20]. «Панорамный взгляд» на историю, открывающийся благодаря сознательному расширению историком предмета своего исследования до таких предметов, когда историческая действительность предстает в

виде «подлинной быющей ключом жизни», предполагает расчленение истории на несколько уровней. В свою очередь, это приводит к необходимости различения в историческом времени «времени географического, социального и индивидуального». Поскольку главным персонажем истории всегда является человек - история не может ни осуществляться, ни познаваться в безличных формах, - то исследователю, руководствующемуся данной методологией, необходимо и человека разделить «на нескольких персонажей».

Согласно методологии исследования, предложенной школой «Анналов», предмет исторической науки как науки, изучающей людей с их делами в прошлом, не сводится только к мышлению о «человеческом»; столь же важно для понимания человеческой деятельности сопутствующая «среда», влияющая на результаты этой деятельности, ибо сам человек живет в «среде» - как географической, так и социальной (культурной). Отсюда возникает необходимая потребность расширить область знания, посредством которого историк проникает в тайны прошлого; деятельность людей складывается из переменных бесчисленного порядка, и нет возможности посредством одной переменной выразить содержание события, являющегося результатом сложения множества разнородных причинных рядов. «Действительность человеческого мира, как и реальность мира физического, огромна и пестра, - писал М. Блок. В простой ее фотографии, если предположить, что такое механическое всеобъемлющее воспроизведение имеет смысл, было бы невозможно разобраться» [6, С. 82]. «Пестрая и интенсивная жизнь» требовала «новых форм исторической науки»; произошел разрыв со старыми «стереотипами», следствием чего явилось привнесение в историческую науку знания, выработанного как в смежных, так и в весьма отдаленных областях науки.

Говоря о методе - «приемах мелких ремесленников в мастерских истории», - авторы школы «Анналов» на редкость немногословны и осторожны. У ее основоположника М. Блока изредка встречается слово «синтез» и дается беглая характеристика самого метода, применение которого, по мнению благодарных последователей, способно привести к «построению новой истории». Характеризуя положение дел в исторической науке, сложившееся со времен Немецкой школы, Ренана, Фюстель де Куланжа, М. Блок пишет: «Отпугивающая таинственная замкнутость, в которой иногда пребывают лучшие из нас; преобладание в нашей популярной литературной продукции унылого учебника, где навязчиво царит дух школярского обучения вместо настоящего синтеза; странная стыдливость, мешающая нам, когда мы выходим из своих кабинетов, показать непосвященным благородные проблемы наших методов - все эти дурные привычки, порожденные скопищем противоречивых предрассудков, вредят, несомненно, благому делу. Все они сообщают толкают беззащитную массу читателей к фальшивым брильянтам мнимой истории...» [6, С. 51]. Познание в исторической науке строится на основе «синтеза»; что собой представляет сам синтез, М. Блок не объясняет. Попытка найти ответ на возникающий вопрос в его замечательном труде «Апология истории» не приведет к желаемому результату. Объясняется это тем, что

историки школы «Анналов» были абсолютно равнодушны к теоретическим вопросам исторической науки. «Франкоязычная историография ... традиционно и неизменно высказывает недоверие к философии, которую она охотно отождествляет с философией истории гегелевского типа, соединенной - для удобства - со спекуляциями Шпенглера или Тойнби. Что касается критической философии истории, унаследованной от Дильтея, Риккерта, Зиммеля, Макса Вебера и продолженной Раймоном Ароном и Анри Марру, она на деле никогда не относилась к основному течению французской историографии. Вот почему мы не находим в работах методологического плана рефлексии, сопоставимой с рефлексией немецкой школы начала века, с рефлексией нынешнего логического позитивизма или его англоязычных противников об эпистемологической структуре объяснения в истории. Их сила в ином - в строгой приверженности ремеслу историка. Лучшее, чем располагает французская историческая школа, - это методология специалистов в своей области. В этом отношении она тем более дает пищу для философской мысли, что ничего у нее не заимствует» [7, С. 113]. В отличие от философско-теоретических рассуждений Р. Арона и А. Марру, историки школы «Анналов» не философствуют, но исключительно размышляют о своем ремесле; для М. Блока, по его собственному признанию, изучение методов исторического познания представляется некой «философией», претендовать на знание которой он «не вправе»; самое большее, на что он может рассчитывать, так это на «записи ремесленника, который всегда любил размышлять над своим ежедневным заданием, как блокнот подмастерья, который долго орудовал аршином и отвесом, но из-за этого не возмнил себя математиком» [6, С. 14]. В этой школе, по замечанию П. Рикера, мы имеем дело с методологией профессиональных историков, совершенно чуждых проблематике «понимания»; достоинство их работ, по словам М. Блока, в «сомнении», которое есть оправдание занятием историей, придающее этой науке «свежесть молодости».

Об «обобщении», «синтезе», «панорамном взгляде», «многочисленных объяснениях», «сведении воедино» говорит и Ф. Бродель, раскрывающий творческую лабораторию историка, работающего с «несметными сокровищами» архивных источников, таящихся в «золотых рудниках истории». Его великолепная книга - «подлинный манифест школы Анналов» - написана легко, увлекательно, изящно; серьезный труд читается как занимательный роман, и нет возможности оторваться от чтения, даже если речь идет о «снижении уровня влажности» или, напротив, «похолодании и повышении влажности и соответственно о разрастании ледников после 1600 года» - вопросах, далеко отстоящих от непосредственных людских дел.

«Для нас, потомков, - не историков, не увлеченных процессом изыскания и потому с незатемненным зорким смыслом созерцающих событие, причины его представляются в неисчислимом количестве. Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадно-

стью события, и одинаково ложными по недействительности своей (без участия всех других совпавших причин) произвести совершившееся событие».

В общественной жизни, длящейся во времени, складывается бесчисленное количество связей и отношений как внутри общества, так и между обществом и внешним миром. Ф. Бродель, говоря о исторической реконструкции, выделяет «глубинную историю» - незаметную и немногословную и «быстротекущую историю» - видимые изменения и их внешние формы. Глубинная история есть некие «структуры» - длительные промежутки времени, быстротекущая история воплощается в «конъюнктурах» - небольших промежутках времени. «История занимается поиском и использованием многочисленных объяснений, отражающих движение по вертикали, от одного временного «уровня» к другому. Но на каждом уровне выстраиваются также горизонтальные связи и отношения» [5. С. 25]. Однолинейное причинное объяснение - монообъяснение - такого конгломерата связей и отношений оказывается бессильным; причинные ряды, пересекаясь в какой-либо точке, принадлежат к различным областям социальной действительности: экономической, демографической, культурной, поэтому возникает необходимость привлечения знания из смежных областей: этнографии, социологии, культурологии, политологии. В распоряжении историка - «невообразимая масса статей, мемуаров, разных изданий, книг, исследований как собственно историков, так и других не менее интересных авторов из смежных областей...».

Помимо внутрисоциальных детерминант на общественную жизнь оказывают влияние внешние факторы: географическая среда, климат, ландшафт, почвы, засухи, наводнения, ископаемые ресурсы. Невидимые в короткие промежутки времени, они обнаруживают свое влияние на людей при массовом наблюдении в широких пространственных и временных границах. Их-то и должен учитывать историк, если поставит задачу крупномасштабного постижения истории, ибо только при таком подходе ему открывается связь между делами людей и явлениями, происходящими в природе («неразрывная связь истории и пространства»).

Содержание исторического метода школы «Анналов» сводится к комплексному подходу, широкому, панорамному взгляду, взаимодополняющему знанию, переходящему в синтез, использованию сведений как из смежных областей, так и из тех отраслей науки, которые относятся к миру природы. «Мы только просим помнить, - обращает внимание М. Блок, - что в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину даже в собственной области; единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, - это всемирная история.

Всякая наука, однако, определяется не только своим предметом. Ее границы в такой же мере могут быть установлены характером присущих ей методов» [9. С. 29]. Рассмотрим сущность этого метода на примере использования Ф. Броделем географических данных, которые наряду со сведениями из других областей научного знания позволяют воспроизвести аутентичную картину исторической жизни. Климат и история, времена года и виды деятельности людей тесно

связаны друг с другом: существует явно выраженный детерминизм между природой и хозяйством («судоходство останавливается зимой»; «приход плохой погоды означает обязательную приостановку крупных военных действий на море»; «зимнее полугодие - спокойное и мирное время»; «для правительств наступает время проектов и шумных дебатов»; «зима - это время переговоров, дипломатических встреч, мирных намерений»; «начиная с благодатной весны ... жизнь набирает обороты»; «в июне поспевают хлеба, в августе смоквы, в сентябре виноград, осенью оливки» и т.д.). Чтобы понять жизнь людей Средиземноморья во всей ее сложности и противоречивости - развитие земледелия, скотоводства и ремесел, рост городов, культурные процессы, причины войн и направление дипломатии государств, - недостаточно единичного обращения к событиям истории, зафиксированным в тех или иных исторических документах; необходим статистический анализ массовых источников с тем, чтобы выявить устойчивые тенденции на протяжении длительного времени. Причем - и это следует особо подчеркнуть - в поле внимания историка должны быть и такие документы, которые позволяют ему заметить «географические циклы»; они вместе с факторами социальной среды приводят к устойчивым тенденциям в истории на протяжении длительного времени. Взять хотя бы процессы миграции населения с гор на равнину, длящиеся столетиями; они становятся заметными только тогда, когда «хронологические рамки рассмотрения расширены до предела». Либо повсеместная освободительная война в горах, проходившая в Альпах, Пиренеях и Апеннинах фактически как социальная (разбойническая) в конце XVI в.; христианские и мусульманские горы имеют общую судьбу, которая прочитывается «в истории огромных горных цепей, овеянных дыханием окружающего их моря».

Итак, «в этих почти неподвижных рамках влияние медленных приливов и отливов не является обособленным, - пишет Ф. Бродель, - сдвиги глобальных отношений между человеком и окружающей его средой сливаются с другими колебательными движениями - экономическими, тоже иногда протекающими медленно, но, как правило, более краткосрочными. Все эти процессы переплетаются друг с другом. И те и другие всегда оказывают сложное воздействие на условия жизни людей. Успех созидательной деятельности последних зависит от того, умеют ли они сознательно использовать эти приливы и отливы, или нет. Иными словами, географическое рассмотрение долгосрочных периодов приводит нас к пониманию самых длительных колебательных процессов, которое знает история» [5. С. 117].

Исторический метод «Анналов» и, в частности, метод, используемый Ф. Броделем, заключается в «сведении» воедино материала, которым располагает исследователь. Все «описательные подробности» следует брать во внимание, и только при этом условии можно выявить устойчивые тенденции (исторические законы) в жизни и деятельности людей в ту или иную историческую эпоху и в том или ином регионе. Мы видим, что судьба людей сливается с историей природы: судьбой гор, омываемых морем. Глобальные отно-

шения с природой тесно связаны с экономическими и демографическими процессами; происходит переплетение повседневности с глубинными процессами общественной жизни.

«Стало быть, причины эти все — миллиарды причин — совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, следовательно, ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. ...Ничто не причина. Все это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие. ...Каждое действие их (великих личностей - Ю.П.), кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определено предвечно».

Исследование, учит Бродель, не может заканчиваться нахождением кратковременных причин; историк должен идти дальше и «выстроить длинные ряды показателей, не ограничивать рамки причинно-следственных связей одним Средиземноморьем, а расширить их на Средиземноморье плюс Европу, а еще лучше на весь мир» [5. С. 372]. При изучении прошлого историк обязан стремиться к максимальному расширению информации; накопление информационного материала должно сопровождаться «систематизацией и классификацией» по заранее намеченному плану, чтобы каждая «описательная деталь становилась на свое место»; затем следует соотнести показатели влажности, сухости, холода, тепла с датой и временем года, чтобы перейти к «количественному балансу»; далее выделяется последовательность сходных событий: время сбора винограда, дата появления на рынке первого свежеежатого масла, первого зерна, первой кукурузы; собираются сведения о вырубке деревьев, об изменении водного режима рек, о сроках цветения растений, о начале ледостава на озерах и реках, об образовании и разрушении ледяного покрова Балтики, о наступлении и таянии ледников, о колебаниях уровня моря - «все это равносильно установлению хронологии долгосрочных и краткосрочных колебаний климата». Завершающим этапом исследования будет согласование полученных данных и сформулированных проблем с общими гипотезами и положениями [5. С. 373].

Исторический метод Ф. Броделя состоит в «сведении воедино» различной информации; благодаря выстраиванию длинных причинных рядов и обнаружению зависимостей между выявленными показателями, историк устанавливает «целостную» картину человеческой жизни во всем ее разнообразии. В этой целостной картине жизни людей географическая среда с ее физико-географическими данными оказывается необходимым компонентом; мир природы «представляет собой нечто единое благодаря живущим в нем людям, благодаря сплаву различных исторических пластов» [5. С. 323]. И вместе с тем следует отметить вслед за Броделем, что главы его труда, посвященные географии, фактически посвящены истории. «Это исторические главы, - подчеркивает Бродель, - поскольку вся книга посвящена истории. Их задача - только напомнить читателю о том, что за кулисами истории человечества выступает весьма изменчивый и в то же время настойчивый, умелый, иногда очень навязчивый в

своих проявлениях деятель - хотя чаще всего современники, а за ними историки не выдвигают его на передний план: как его назвать? Пространственная среда - но это слишком мало. Природа - но это звучит двусмысленно. Назовем его географической средой» [5. С. 30].

Новое направление в исторической науке, представленное школой «Анналов», в определенной степени произвело переворот во взглядах на историю. До сих пор существовал узкопрофессиональный подход: имела место градация в тематике историков, когда одни из них специализировались на изучении экономических явлений, другие - на политических, третьи - на событиях международной жизни. Но любое событие в истории одновременно принадлежит различным планам бытия - политические конфликты, как правило, оказываются следствием экономических противоречий, а явления экономической жизни напрямую зависят от внутренней политики государства. Специализация в научных интересах приводит порой к тому, что происходит абсолютизация значения какого-либо факта, преувеличение его роли в той концепции, которой придерживается историк. И, несмотря на то, что открытия в науке делают узкие специалисты, такой подход в истории был назван «взглядом из туннеля» [8. С. 124].

Эту профессиональную болезнь историков школа «Анналов» преодолела посредством нового метода; упор делался на обзорные труды, когда без синтезирующих результатов исследований многих специалистов было невозможно обойтись. Ее основатели (М. Блок, Ж. Февр) обратили внимание не столько на направления исследований, - последние могли быть в принципе теми же самыми, - сколько на необходимость преодоления раздробленности; постановка новых задач потребует и новых интеллектуальных усилий от историка, когда не отдельные стороны действительности, но вся жизнь во всем ее разнообразии станет предметом его интереса. Девизом школы «Анналов» стало выражение «тотальная история» (*histoire totale* или *histoire integrale*). Достижение этого идеала приписывают Ф. Броделю; в своем объемном труде он ярко и подробно осветил все аспекты этой проблемы: «физическую географию и демографию, экономическую и социальную жизнь, политические структуры и политику Филиппа II и его соперников в Средиземноморье. Эта книга является, пожалуй, высочайшим достижением школы «Анналов»...» [8. С. 126].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что по мнению М. Блока в процессе объяснения историк начинает с «анализа», а не с «синтеза»; операция анализа обязательно предшествует операции синтеза, если историк стремится приблизиться к прошлому и овладеть им. «Но работа по восстановлению целого может производиться лишь после анализа. Точнее, она - продолжение анализа, его смысл и оправдание» [6. С. 88]. Установить различного рода взаимосвязи в целостной картине можно в том случае, когда историк сумеет четко разделить в ней составные части. Сложная сеть взаимосвязей может обнаружиться лишь после того, как удастся классифицировать факты по специфическим группам. При попытке охватить всю жизнь целиком - «в ее постоянном переплетении действий и

противодействий» - исследователь обнаруживает, что для этого потребуются силы, «намного превосходящие возможность одного ученого». Самым полезным в этих условиях будет для исследователя сосредоточиться при изучении общества на одной из частных проблем: верованиях, экономике, структуре классов, политических кризисах и т.д. «При таком разумном выборе не только проблемы будут поставлены более четко, но даже факты связей и влияний получат более яркое освещение» [6. С. 89]. Для полной картины прошлого недостаточно выделить основные аспекты человеческой деятельности или общества; внутри этих больших групп фактов «необходим более тонкий анализ».

И здесь мы подошли к принципиально важному вопросу методологии исторического познания школы «Анналов» - вопросу о том, возможно ли достичь желаемого синтеза знания посредством понятия «интегрального прошлого» или «тотальной истории». Следует подчеркнуть, что внимательное прочтение основных трудов основоположников этой школы позволяет сделать следующее заключение: в методологии исторического познания, по мнению М. Блока, существует примат анализа над синтезом. Прорыв, осуществленный «Апологией истории», достигается благодаря «историческому анализу»; историческое объяснение строится посредством нахождения цепочек сходных феноменов и установления связи между ними. В историческом познании существуют процедуры объяснения и понимания; они не противостоят, но дополняют друг друга. Понимание предполагает анализ; даже при самом широком взгляде на историю, - будь то постижение сознания целой эпохи или изучение экономической жизни региона на протяжении длительного времени, - историк в своих обобщающих объяснениях обязательно опирается на анализ. Историческая реконструкция отношений общего характера, которые открыл историк, не возникает априорным путем, но есть результат тщательного анализа того исходного материала, с которым он имеет дело в исследовательской практике.

В связи со сказанным необходимо отметить, что в человеческом разуме анализ и синтез диалектически связаны друг с другом. На эту сторону человеческого мышления обратил внимание Кант, когда он в разделе «Трансцендентальной дедукции» в своей «Критике чистого разума» говорит о «аналитическом единстве» и «синтетическом единстве». «Среди всех представлений, - пишет Кант, - соединение есть единственное, которое дается не объектом, но может быть сделано только самим субъектом, ибо это акт его самодеятельности. Здесь легко заметить, что это действие должно быть первоначально единым и имеющим одинаковое значение для всякого соединения и что разложение, т.е. анализ, который составляет, по-видимому, его противоположность, всегда его предполагает. Там, где рассудок предварительно ничего не соединил, там нечего и разъединять, и только благодаря разуму представления могут быть даны, как соединенные вместе» [9]. Согласно Канту, существует «аналитическое единство», «аналитическое единство апперцепции» или «аналитический синтез»; Лейбниц употреблял словосочетание «целостная часть»; М. Блок в теории исторического познания пользуется понятием «разумный анализ».

Французская школа «Анналов», противопоставившая событийной истории экономическую, социальную и культурную историю, когда на место исторических персонажей подставляется «интегральное прошлое», не смогла полностью осуществить поставленную задачу. Историки, далекие от «философии», только воображают, что могут посредством междисциплинарного синтеза воссоздать целостную картину прошлого. Им только кажется, что «сведение воедино» разрозненного знания смежных наук гарантирует полноценную объективность истории. В действительности «тотальная история» или «интегральное прошлое» есть не что иное, как «Идея» в кантовском понимании - никогда не достигаемый предел, к которому стремится исследователь в процессе обобщения эмпирического материала. Нельзя думать, что «синтез» на основе обобщения есть логический результат исследовательской деятельности, свободный от концептуальной установки историка. Регулятивная идея не есть нечто «непосредственное»; «нет ничего более опосредованного, чем тотальность: эта идея выступает в качестве результата «упорядочивающей концепции», выражающей самое значительное усилие историка по упорядочиванию истории; говоря другими словами (словами науки), это - плод «теории» в том смысле, в каком, например, говорят «физическая теория»» [1. С. 39]. Можно с уверенностью сказать, что нет такой методологии исследования, которая помимо историка, вне историка приносила бы конечные «нейтральные» результаты познания; историк не беспристрастный хроникер происходящего и его задача не сводится к тому, чтобы изобразить прошлое «как оно было на самом деле»; деятельность историка призвана не воскрешать и оживлять события прошлого, но «пере-создавать», «пере-дывать» посредством ретроспективного построения новых цепей событий. Процесс постижения прошлого никогда не может завершиться в том смысле, что новый угол зрения, найденный историком, открывает новые перспективы и, следовательно, иное видение той же самой действительности, которая сохранилась благодаря оставшимся «следам»; при взаимодействии субъекта с объектом ведущая роль принадлежит субъекту, содержание объекта заключено в субъекте - вера в «прошлое-в-себе» есть предрассудок. *«Пчела, сидевшая на цветке, ужалила ребенка. И ребенок боится пчел и говорит, что цель пчелы состоит в том, чтобы жалить людей. Поэт любит пчелой, впивающейся в чашечку цветка, и говорит, цель пчелы состоит во впитывании в себя аромата цветов. Пчеловод, замечая, что пчела собирает цветочную пыль и приносит ее в улей, говорит, что цель пчелы состоит в собирании меда. Другой пчеловод, ближе изучив жизнь роя, говорит, что пчела собирает пыль для выкармливания молодых пчел и выведения матки, что цель ее состоит в продолжении рода. Ботаник замечает, что, перелетая с пылью двудомного цветка на пестик, пчела оплодотворяет его, и ботаник в этом видит цель пчелы. Другой, наблюдая переселение растений, видит, что пчела содействует этому переселению, и этот новый наблюдатель может сказать, что в этом состоит цель пчелы. Но конечная цель пчелы не исчерпывается ни тою, ни другою, ни третьей целью, кото-*

рые в состоянии открыть ум человеческий. Чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели».

Анализ для историков школы «Анналов» оказывается более существенной познавательной процедурой, нежели синтез; операция объяснения (синтез) становится возможной при условии, что историк предварительно подготовит для нее почву: вычленил необходимые явления и построит цепь событий из экономической, политической, культурной сферы (анализ). Задача, стоящая перед историком, дать целостную картину жизни людей в прошлом. Это обусловлено самим предметом исторической науки: всякое общество представляет сложное переплетение самых различных структурных образований («... общество, как и дух человека, ...является сплетением непрестанных взаимодействий» - М. Блок), следовательно, невозможно понять прошлую жизнь по знанию какого-либо одного элемента общества; необходим всесторонний взгляд, чтобы составить представление о прошлом во всей полноте. В этой связи М. Блок ссылается на Мишле и Фюстеля де Куланжа, которые видели свою задачу при воссоздании прошлого «в единстве повествования». Для Мишле необходимо учитывать не только события политической истории, но и такие элементы истории, как религию, право, географию, литературу, искусство; Фюстель де Куланж уверен, что историки Франции не смогут написать сто историков, если они разделят между собой на куски прошлое этой страны; у них не будет взаимосвязи между фактами, а, следовательно, они не смогут воспроизвести «жизненное движение» и «взаимосвязь». Два великих историка, говорит М. Блок, были «достаточно великими, чтобы знать: цивилизация, как и индивидуум, ничем не напоминает пасьянса с механически подобранными картами; знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого - оно даже не позволит познать самые эти фрагменты» [6. С. 88].

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на приоритет анализа над синтезом в школе «Анналов», в конечном счете французские историки вошли в историографию благодаря идее синтеза знания; прорыв в исследовательской практике был осуществлен ими прежде всего посредством идеи междисциплинарного знания, позволяющего выйти за рамки политической, событийной истории. Достоинство исторической науки они усматривали в отходе от описательности единичных событий и концентрации интереса к событиям-процессам, которые есть результат действия многих факторов: политических, экономических, культурологических, религиозных, демографических, климатических и т.д. В этой связи возникает вопрос: каковы основания синтеза знания, что заставляет историка прибегать к сбору обширного материала из различных, смежных областей научного знания, благодаря которому удастся достичь комплексного, «панорамного» видения прошлой действительности. Чаще всего исследователи методологии французских историков не осуществляют рефлексии по этому поводу; о междисциплинарном синтезе разговоры ведутся безотносительно к гносеологическим и логическим основаниям, заставляющим историков известной школы прибегать к операции обобщения и объяснения в противоположность процедуре описания и нарратива.

Главное основание или резче - главная причина - синтеза знания заключается в том, что историческая наука есть, прежде всего, наука о человеке. Историческую науку невозможно представить в ином образе, помимо исторической антропологии; в этом заключается ее неповторимость и уникальность по сравнению с другими науками и только это придает ей безграничную прелесть и увлекательность, наподобие волшебных сказок. Мир, который открывает историческая наука, есть мир человека; он исполнен духовного и материального, величественного и простого, возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного, альтруистического и эгоистического, священного и порочного, доброго и злого, оптимистического и трагического, мудрого и глупого; нет слов, которые были бы способны выразить трансцендентную сущность человека как бесконечного универсума, - всякое определение будет конечным и неполным. Прекрасно определяет историческую науку М. Блок, языку которого свойственна образность и метафоричность: «В самом деле, - пишет он, - великие наши наставники, такие, как Мишле или Фюстель де Куланж, уже давно научили нас это понимать: предметом истории является человек. Скажем точнее - люди. Науке о разнообразном больше подходит не единственное число, благоприятное для абстракции, а множественное, являющееся грамматическим выражением относительности. За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самими, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [6. С. 17-18]. Но понятие «наука о людях» недостаточное, чтобы полно выразить содержание исторической науки, полагает М. Блок; следует добавить: «о людях во времени». «Историк не только размышляет о «человеческом». Среда, в которой его мысль естественно движется, - это категория длительности» [6. С. 18].

Основания синтеза в историческом познании своими корнями уходят в целостное единство человеческого «Я»; из каких бы отдельных и противоречивых элементов ни состояло человеческое «Я», в конечном счете человек как предмет исторической науки представляет собой целое, не разложимое на отдельно существующие части. Личность всегда целостна, она не может принадлежать целиком отдельному плану бытия: природному или социальному; в своем существовании она выходит за границы природного и социального миров, принадлежа им лишь частично, и при всех условиях сохраняет себя в качестве неразложимого целого. Целое можно постичь только посредством синтеза знания - соединения в одном сознании разнообразия множественных представлений («соединение разнообразного в созерцании или в различных понятиях». - Кант).

Очарование исторической науки, ее увлекательность, не сравнимая ни с какой другой исследовательской деятельностью, связана с прикосновением к древности; древность всегда завораживает, гипнотизирует, притягивает к себе, ибо в древности мы открываем себя на ранней стадии жизни. И даже тогда, когда историк от ее простого наблюдения переходит к строгому методическому изучению, наслаждение от этого

не исчезает. «Истории, однако, присущи ее собственные эстетические радости, непохожие на радости никакой иной науки, - пишет М. Блок. - Зрелище человеческой деятельности, составляющей ее особый предмет, более всякого другого способом покорять человеческое воображение. Особенно тогда, когда удаленность во времени и пространстве окрашивает эту деятельность в необычные тона» [6. С. 8].

Предмет исторической науки, согласно школе «Анналов», - это «человек и его действия»; «...предмет нашего изучения - люди, и если люди не будут нас понимать, не возникнет ли у нас чувство, что мы выполним свою миссию лишь наполовину?» - спрашивает М. Блок [6. С. 51]. Историческая антропология, - подчеркнем еще раз, - явилась основанием междисциплинарного синтеза; комплексный, интегративный подход, пропагандируемый французскими историками, обусловлен самой природой человека. Человек как главная тема истории есть целостное и сложное образование; он не вмещается в какой-либо один план бытия - природный или социальный, как и не исчерпывается каким-либо одним типом объяснения - генетическим, функциональным, мотивационным. «*Homo religiosus, homo economicus, homo politicus* - целая вереница *homines* с прилагательным на «*us*»; при желании ее можно расширить, но было бы очень опасно видеть в них не то, чем они являются в действительности: это призраки, и они удобны, пока не становятся помехой. Существо из плоти и костей - только человек как таковой, соединяющий в себе их всех» [6. С. 86].

Как-то неожиданно звучит заявление, что «прошлое время методологического плюрализма» и необходимо вновь объединить усилия исследователей вокруг «методологического синтеза» и, в частности, - «исторического синтеза»; совершенно непонятно утверждение, что перспективы развития гуманитарного и исторического познания «идут вразрез» с существующей ориентацией «на антропоцентризм в его новом обличье - трансдисциплинарном» [10. С. 5]. Что касается первого заявления, то оно совершенно беспочвенно: современная философия решительно отказалась от идеи монизма в любых ее формах: идет ли речь о методах познания или проблеме истинности знания. Вся современная культура характеризуется вытеснением «законодательной» парадигмы разума «интерпретативной», поскольку классический рационализм основывается на интеллектуальном авторитаризме. Историки должны отчетливо себе представлять, что множество конфликтов в европейской и отечественной культуре возникает из-за монопольного права интерпретации истории. Видение истории не может быть уложено в одну схему. Относительно второго утверждения следует сказать, что ориентация гуманитарных наук на так называемый «антропоцентризм» означает более четкое понимание ими собственного предмета: все они оказываются антропологическими науками с различными углами зрения на проблему человека. Что касается междисциплинарного подхода, то это не предмет, а способ и инструмент раскрытия содержания той действительности, которая относится к миру «человеческого».

Историческая наука имеет дело с одной действительностью - действительностью человека; ее интере-

сует жизнь и дела людей. Эта человеческая жизнь, наполненная делами, отдалена от настоящего временем; историк изучает прошлое через «временную дистанцию». Временная дистанция показывает, что человек в истории - это «другой человек». Посредством выстраивания различных причинных рядов историк добивается приближения к прошлому, он ищет «встречи» с другим человеком. Перенесение в иную человеческую жизнь достигается посредством «интегрального понимания»; историк ставит задачу восстановить далекое прошлое, приблизиться к нему посредством аналитических и синтетических (интегральных) обобщений. «Вот почему история движима в той же мере жаждой встречи, как и желанием объяснения. Историк идет к людям прошлого со своим специфическим человеческим опытом. Момент, когда субъективность историка приобретает способность постигать, наступает тогда, когда история воспроизводит ценности прежней человеческой жизни вне всякой критической хронологии» [1. С. 44]. Историк не обязан принимать веру и ценности своих персонажей; он обязан их понять, а, следовательно, погрузиться в ту социальную среду, которую он изучает. Само погружение и мысленное перенесение в изучаемую действительность требует от него, с одной стороны, симпатии, с другой - «нейтрализации» и определенной беспристрастности в своих суждениях, если он хочет оставаться на почве науки.

С тех пор как существует история в значении науки, она оказывается исторической антропологией. Ее предназначение - служить самопознанию человека, или познанию человеком самого себя. «Ценность истории... заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым - что он собой представляет» [3. С. 14]. В древности знание о человеке существовало в превращенных формах знания человека о богах. Действия людей рассматривались как деяния богов (шумерские, месопотамские повествования). Сами боги представлялись по аналогии с земными властителями: они направляли действия людей так же, как властители - действия своих подчиненных. Историю данного типа называют «теократической историей». *«Предмет истории есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом - описать жизнь не только человечества, но одного народа, представляется невозможным».*

Все древние историки употребляли один и тот же прием для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой — жизнь народа. Они описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа».

На вопросы о том, каким образом единичные люди заставляли действовать народы по своей воле и чем управлялась сама воля этих людей, древние отвечали: на первый вопрос - признанием воли божества, подчинявшей народы воле одного избранного человека; и на второй вопрос - признанием того же божества, направлявшего эту волю избранного к предназначенной цели». В «теократической истории» человечество не самостоятельный субъект истории, но либо инструмент деятельности, либо объект воздействия высшего существа.

Греческая история Геродота и Фукидида (V в. до н.э.) уже есть наука, предметом которой являются че-

ловеческие действия. Греки открыли историю как науку, а само слова «история», употребляемое до наших дней, означает исследование или изучение. История для Геродота гуманистична в отличие от теократической или мифологической истории; цель, которую он ставит в начале своего труда, состоит в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Фукидид идет дальше Геродота: для него историческое повествование не просто хроника, регистрация событий, как у логографов; он не пересказывает легенды, но задает вопросы, побуждающие давать ответы, полагает, что историческое исследование основывается на определенных свидетельствах. Для него, как и для Геродота, история служит познанию человека человеком, а сам человек есть рационально действующее существо, поэтому задача историка сводится к тому, чтобы объяснить, почему люди действовали именно таким образом. «Греко-римская историография, - отмечает Коллингвуд, - в целом твердо придерживалась, по крайней мере, одного из принципов ... она гуманистична. Это было повествование о человеческой истории, истории человеческих деяний, целей, успехов и неудач» [3. С. 41].

Христианская историография, пройдя в своем развитии через кульминационные точки - зарождение истории как науки (V в. до н.э.), ее дальнейшее оформление (V в. н.э.) - история превратилась в такую форму знания о судьбах людей, которая характеризовалась «глубокой революцией» в историческом мышлении: универсализмом, провиденциализмом, апокалиптичностью, периодизированностью [3. 46-54]. Христианская историческая наука по-прежнему остается исторической антропологией, однако антропологизм этот претерпевает существенные изменения. Человек остается главным действующим лицом истории; он - деятель, стремящийся осуществить свои цели; все, что происходит в живой действительности, совершается по его воле. Но за человеком истории стоит Бог, вследствие чего он есть лишь средство осуществления Божественных предначертаний. Бог создал человека для того, чтобы с его помощью достигать своих божественных целей. Этот новый взгляд на историю - поворот от поверхности жизни, где происходят видимые события, к скрытой божественной сущности, - наполнял живую эмпирическую действительность трансцендентным смыслом. Направление исторического движения, само содержание исторического процесса навсегда закрыты от взора людей - участников «исторической драмы»; все, что делает человек, для него оказывается непостижимым, ибо он слеп изначально по причине «первородного греха». Смысл происходящего на земле «не от мира сего», а потому никому из ныне живущих он недоступен.

В задачу этой статьи не входит изложение всей историографии вопроса о предмете исторической науки как исторической антропологии; достаточно краткого рассмотрения двух эпох, чтобы составить представление об истории как учении о человеке. Новое время лишь подтверждает эту идею. Историческая наука повествует только о людях и их делах. «Какие вещи

ищет история? Я отвечаю: *res gestae* - действия людей, совершенные в прошлом. ... история - это наука о *res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом» [3. С. 13]. Ценность истории в том и состоит, что благодаря ей мы узнаем, «что человек сделал, а тем самым - что он собой представляет».

В задачу статьи входит выяснение вопроса об основаниях междисциплинарного знания; французские историки великолепно рассказывают о самом методе как инструменте познания, и тех результатах, которые получаются в ходе его применения. Они ясно объясняют, при каких условиях следует использовать комплексный подход в изучении прошлого, но вопрос, что непосредственно побуждает использовать синтез знания, остается у них без ответа. Так же поступают и современные исследователи методологии школы «Анналов»; у них нет рефлексии относительно логических и гносеологических оснований междисциплинарного синтеза, они сразу начинают вести разговор о содержании метода и том выдающемся вкладе, который внесли эти историки в развитие теории исторического познания.

Между тем есть необходимость выяснения оснований метода, предложенного школой «Анналов», который в процессе его применения позволил осуществить прорыв в области исторического знания благодаря отказу от событийной истории, «истории-рассказа» в пользу истории социальной, истории «целостного феномена человека». Обращение к вопросу об основаниях межпредметного обобщения позволяет глубже проникнуть как в предмет исторической науки, так и в самого человека, являющегося непосредственным основанием этого метода. Человек как предмет истории есть целостное существо; он одновременно принадлежит многим планам бытия и не может целиком раствориться в какой-либо одной сфере социальной действительности. Одномерное постижение человека в принципе невозможно, если мы хотим составить о нем адекватное представление. Действия, которые он совершает, не являются только моральными, только политическими или только экономическими; всякое действие есть одновременно и моральное, и политическое, и экономическое. Несмотря на то, что нельзя смешивать эти области действительности, их жесткое деление и противопоставление в применении к человеку может оказаться ложным. Поскольку то, что «история хочет объяснить и, в конечном счете, понять, это - люди» (П. Рикер), а сам человек есть многомерное существо, постольку требуется «расширение и углубление» истории; историк не ограничивается нахождением простых и однозначных связей, он ищет сложные и богатые отношения между географическими, демографическими, экономическими, социальными, культурными факторами. Человечество бесконечно разнообразит себя в процессе своего становления, что и является последним основанием междисциплинарного подхода в историческом исследовании.

По прошествии более шестидесяти лет интерес к методологии школы «Анналов» неожиданно возрос. Возникла до некоторой степени парадоксальная ситуация: переведенные в 80-е годы на русский язык большими тиражами основные работы Блока и Февра

не вызвали сколько-нибудь заметного интереса у российских историков; никто и никогда не говорил о необходимости междисциплинарного подхода в историческом исследовании. Но после всеобщего отказа от формационного подхода, неудачного использования цивилизационного метода, метеоритом сверкнувшего и быстро потухшего в практике познания прошлого, в настоящее время нас пытаются убедить, что междисциплинарное изучение, основанное на синтезе результатов многих исследований, оказывается единственно правильным («единственно верной методологией»). Знакомая история.

Исторический синтез объявлен «сверхзадачей» исторической науки; междисциплинарный синтез рассматривается как «знаковая проблема», характеризующая «общее состояние гуманитарии в целом, исторической науки в особенности»; синтез методологий позволяет считать «реальной перспективой» сегодняшнее состояние исторической науки и т.д. [10. С. 3-9].

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к первоисточникам. Отметим, что использование материала из различных областей научного знания видится теоретикам «тотальной истории» как некая подчиненная деятельность: все исследование ведется в рамках исторической науки. Другими словами, синтез знания не есть механическое сложение сведений, почерпнутых из смежных или весьма далеко отстоящих от истории наук: политологии, культурологии, экономики, дипломатики, демографии, географии, исторической геологии, минералогии, инженерии; в синтетическом сложении материала, позволяющем воспроизвести целостную картину исторической жизни, ключевая роль принадлежит историку. По этому поводу Ф. Бродель пишет: «Первая часть (рассматриваемого нами труда. - Ю.П.), как явствует из ее заглавия, подчинена своего рода географическим задачам и опирается, прежде всего, на данные демографии. Но в то же время и даже в большей степени она является историческим исследованием» [5. С. 29]. География в подобных исследованиях перестает быть самоцелью и рассматривается в качестве средства. Она дает сведения о «неподвижной истории», в то время как историческая наука, повествуя о быстромеменяющемся социальном мире, усваивает уроки географии, «принимает ее классификацию и ее категории».

Следует заметить, что метод Ф. Броделя, как и методология его учителей, по мнению философов, занимающихся теорией исторического познания, в процессе применения таит в себе определенные трудности в отношении проблемы объективности знания. Междисциплинарный синтез предполагает одновременное использование историком нескольких объяснительных схем; эти схемы уже готовые, а потому применяются им без всякой рефлексии. Историк использует способы объяснения, «не принадлежащие его рефлексии, и это естественно: объяснением пользуются до того, как овладеют им с помощью рефлексии» [1. С. 42]. Действительно, когда историк заимствует фактический материал из географии или ботаники, он оказывается напрямую зависимым от деятельности географа или ботаника; историк никак не влияет на исследовательскую практику смежных дисциплин, поэтому достоинства или недостатки используемого знания по-

мимо воли историка войдут в результаты его исследования. В данном случае нельзя говорить о коллективной деятельности ученых различных специальностей, занимающихся разработкой единой тематики. Если бы такое имело место, против этого невозможно было возражать: подобное гипотетическое предположение означало бы формирование единой рефлексии, присущей представителям различных наук; по законам мышления она формировалась бы одновременно с поиском нового знания. Л. Февр полагает, что основными «инструментами» историка, необходимыми для решения его задачи, являются лингвистика, литература, иконография; именно эти дисциплины помогают историку изучить ментальность людей прошлых эпох. Но здесь возникает вопрос: кто предоставит историку необходимый материал для осуществления его задачи? Очевидно, что ни лингвисты, ни литераторы, ни художественные иконографы не работают вместе с историком над решением единой задачи - это практически невыполнимый проект. Историк в одиночку строит свои гипотезы и самостоятельно собирает фактический материал из смежных областей: этнографии, географии, ботаники, геологии, инженерии, чтобы верифицировать или фальсифицировать собственные интеллектуальные построения. Использование подобного знания означает, что историк имеет дело с готовым знанием, а потому пользуется объяснением «до того, как овладеет им с помощью рефлексии».

Во французской историографии была авторитетной точка зрения, согласно которой действующим лицом истории является индивид; он является носителем исторического изменения, а сами изменения, адекватные действиям конкретного исторического персонажа, есть некие «точечные события». Эти точечные события есть то, что затрагивает жизнь людей в силу своей кратковременности. Подобное понимание истории превращало ее в «историю-рассказ», в некую «событийную историю», в основании которой лежит определенная «интрига». Методологическому индивидуализму новое направление противопоставило «целостный социальный факт» как такую «клеточку» истории, в которой проявляются экономические, политические, социальные, культурные, духовные и др. стороны реальной исторической действительности. Историки школы «Анналов» осуществили двойное отрицание: они отбросили идею примата индивида как первичного атома исторического исследования и идею примата события (в точечном понимании) как первичного атома социального изменения. Двойное отрицание показывало, что произошло перемещение «главной оси исторического анализа с политической истории на историю социальную» [7. С. 121]. Действительно, в политической истории - военной, дипломатической, церковной - действуют полководцы, министры, прелаты; результатом их деятельности оказывается событие, понимаемое как некий взрыв. В политической истории («событийной истории») примат индивида и примат отдельного события существуют в неразрывном единстве.

Историки французской исторической школы акцентировали внимание на необходимость исследования «целостного социального факта»; теперь предпочтение при изучении прошлого отдается экономическим и социальным условиям. В их трудах не гово-

рится о конкретных персонажах; их внимание обращено на социальные факторы: «группы», «социальные классы», «города», «деревни», «буржуа», «ремесленники», «крестьяне» становятся коллективными и безличными героями истории. У Броделя главным действующим лицом оказывается «гео-история» («человеческая география», «антропогеография» - у М. Блока); такой гео-историей у него выступает Средиземноморье и средиземноморский мир - «персонаж», не укладывающийся в «привычные рамки». Его очень трудно определить, «более чем отчетливым Средиземное море представляется в океанографии, геологии, географии - в признанных и расклассифицированных областях». Но что такое Средиземное море, как «исторический персонаж»? Средиземноморье как нечто единое предстает «благодаря живущим в нем людям, благодаря сплаву различных исторических пластов» [5. С. 323]

В рамках антипозитивистского понимания предмета и задач исторической науки - исследования социальной и экономической истории - родилось представление о «большой длительности», противоположное «краткой длительности». Ф. Бродель делит историческое время на три вида: «событийная история», история «в индивидуальном измерении» есть «история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний» [5. С. 20]; это такой мир быстрых изменений, в котором на волнах истории «наша лодка качается, как скорлупка» («индивидуальное время»). Второй вид времени и, следовательно, исторической длительности имеет отношение к «социальной истории»; она протекает в «медленном ритме»: это история структур, история «групп и коллективных образований» («социальное время»). Наконец, третий вид исторического времени характеризует взаимодействие людей с окружающей природной средой; это как будто «вневременная история», поскольку здесь люди вступают в отношения с «неодушевленными предметами», что и является причиной «медленно текущей и мало подверженной изменениям истории, зачастую сводящейся к непрерывным повторам, к беспрестанно воспроизводящимся циклам» [5. С. 20] («географическое время»),

В идее разновременности исторических свершений явно просматривается стремление историков «новой волны» выйти за рамки индивидуального события; история не может быть сведена только к описанию единичных фактов, ее предназначение - осуществить «панорамный взгляд» на прошлое, когда бы присутствовал как социологический, так и экономический подход при исследовании событий прошлого. «Такое ступенчатое расположение длительностей, - по мнению Рикера, - представляет собой один из самых значительных вкладов французской историографии в эпистемологию истории - при отсутствии более подробного обсуждения понятий причины и закона» [7. С. 122]. Идея множественности форм времени, по заключению Ф. Броделя, должна быть положена в основание методологии как исторической науки, так и всех гуманитарных наук.

Однако критика историками школы «Анналов» исторического факта, понимаемого как атом истории, целиком заключенного в источнике, рождала серьезные трудности в теории исторического познания, когда речь шла о природе исторической реальности. Отри-

цательное отношение к политической истории, к истории-рассказу, ставящему на авансцену происходящего индивида и событие, оборачивалось для новаторов в области методологии утратой специфики исторической действительности. Акцентируя внимание на длительностях, - «очень больших длительностях», - Бродель и последовавшие за ним историки данной школы привнесли во французскую историографию количественные методы исследования, заимствованные из экономики, социологии, демографии. Привнесением математических методов в историческую науку ставилось под сомнение утверждение, что природа исторической действительности неповторима и однократна. Теперь количественная история представала «серийной» (П. Рикер); на место индивидуальных и неповторимых событий ставились однородные и серийные явления, удобные для статистической обработки. Все главные категории исторической науки теперь должны были переформулированы на язык «серийной» эпистемологии. Так, понятие «конъюнктура» перешло из экономической истории в социальную, а из нее - в историческую науку; с его помощью историки находят максимальное число корреляций между отдаленными сериями.

Французская историография вела борьбу на два фронта: в одном случае ей приходилось преодолевать традиционное позитивистское представление об истории как совокупности единичных и случайных событий, в другом - сохранить представление о времени даже по отношению к понятию «структура» и противостоять дехронологизации в использовании моделей. В этой борьбе Бродель отдал предпочтение серийной истории, поскольку должен был отстаивать свою идею «большой длительности»; осуществить этот замысел он мог только в союзе с геополитикой и обращением к обширным пространствам. Понятие «структура» может использоваться в такой логике мышления, в которой существует примат устойчивых и повторяющихся связей над случайностью и изолированным событием.

Но была ли решена проблема соотношения единичного и случайного события («катастрофической единичности») и необходимых и повторяющихся отношений на уровне закона в истории основателями школы «Анналов»? Следует отметить, что решить ее им не удалось. К такому мнению склоняется английский историк Д. Тош, когда он пишет: «Броделю и его последователям явно не удалось создать удовлетворительной модели, интегрирующей политическую историю с исследованиями окружающей среды и демографии, которые составляют основу их работы. По крайней мере, в этом отношении «тотальная история» уступает марксистской с ее упором на взаимодействие между производительными силами, производственными отношениями и надстройкой» [8. С. 204]. Основовоположники французской исторической школы, и в частности М. Блок, хорошо понимают, что в истории индивидуальное и общее всегда находятся в диалектическом единстве: общее не существует помимо анализа и синтеза конкретно-исторического материала, присутствующего в источниках и документах прошлого. Но очевидно и то, что в списке трудов Блока нет работ, посвященных политической истории или отдельным историческим персонажам. Блока мало интере-

свал тот план бытия, который относился к «великим людям мировой истории» (Гегель). Даже в том случае, когда Блок обращался к истории культуры или общественной психологии, в своих исследованиях он отталкивался не от единичного, но от его проявления в массовых явлениях. Показательной в этом смысле является его работа «Короли-чудотворцы»: на основе свидетельств о распространенной в Средние века вере, что французские и английские короли могут исцелять людей, болеющих золотухой, Блок изучает политическую психологию масс, коллективные представления социальных групп и их роль в политической жизни.

Методология Блока существенно отличается от исследовательской практики современных ему немецких историков: в то время как они сохраняют традиции идиографического метода при изучении государства, Блок обращается к массовым явлениям, позволяющим увидеть определенную повторяемость в истории, изучает общество и его институты. Выбор такой методологии объясняется пониманием истории; последняя в представлении Блока, Февра и Броделя виделась как наука. Отождествление истории и науки с необходимостью ставит проблему природы «сущностей», с которыми имеет дело историк. В том случае, когда историк работает в жанре рассказа - традиционного или мифического, - он имеет дело с персонифицированными объектами; их можно обозначить собственными именами, идентифицировать по совершенным поступкам, считать ответственными за свои дела и т.д. Но когда история объявляется наукой, исследователь имеет дело с принципиально иными объектами. Такие объекты, как «общество», «цивилизация», «социальный класс», «ментальность» соответствуют способам научного объяснения и превращаются в безличные сущности; на место субъекта действия ставится некая «анонимная сущность». Эпистемологический разрыв между историей-нарративом и историей-наукой получает свое завершение во французской школе «Анналов». Здесь «политическая история отгесняется на второй план экономической, социальной и культурной историей. Место, еще недавно принадлежавшее героям исторического действия, ... отныне занято общественными силами, чье действие не может быть дистрибутивным образом приписано индивидуальным агентам. Следовательно, новая история, по-видимому, существует без персонажей. Без персонажей она не может оставаться рассказом» [7. С. 205].

Опыт Броделя показывает, как считает Д. Тош, что достичь идеала «тотальной истории» на таком огромном пространстве, как Средиземноморский регион, практически невозможно. Бродель не сумел интегрировать друг с другом различные подходы: политическая часть, составляющая третий, заключительный, раздел книги, во многом оторвана от географического и экономического обзора в двух первых. Вряд ли междисциплинарный синтез осуществим и в масштабе отдельной страны. Чтобы овладеть всеми источниками и добиться тематической интеграции, необходимо существенно сузить географические рамки исследования. Парадоксальность опыта «тотальной истории» состоит в том, что фактически имеет место «локальная история». Историки школы «Анналов»

первыми обратились к локальной истории нового типа, полагает Д. Тош.

Метод Ф. Броделя в его труде «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» был направлен на научное постижение причинности - этой «ужасной проблемы»; в историческом познании следует распутывать причинные связи с тем, чтобы овладеть ими. С этой целью Бродель помещает в условия Средиземноморья непрерывную природную деятельность, затем относительно самостоятельные социальные силы второй половины XVI в. и, наконец, серию индивидуальных событий. Такая логика исследования способствует упорядочиванию причинных зависимостей и помогает получить объективное знание. Но подобное упорядочивание, по мнению П. Рикера, всегда будет оставаться «непрочным», поскольку целостная композиция создается историком из разнородных каузальных рядов. Как бы ни стремился Ф. Бродель вслед за М. Блоком отдать предпочтение социальным структурам, едва ли историческая наука сохранится как рассказ, если будут полностью устранены психологические мотивы, идущие от исторических персонажей.

Что можно сказать о судьбах того направления в исторической науке, которое представлено французской школой «Анналов»? Следует ли согласиться с верой в то, что исторический синтез есть некая «сверхзадача» исторической науки, «знаковая проблема», определяющая не только состояние отдельной отрасли знания, но и всей «гуманитарии в целом»? Действительно ли «синтез» есть та «реальная перспектива», которая ожидает историческую науку? По поводу этих заявлений можно сказать, что французская школа «Анналов» внесла выдающийся вклад в развитие мировой историографии; Блок, Февр, Бродель были самыми крупными историками Франции прошлого столетия, открывшими новый метод исследования и преобразовавшими стиль мышления в исторической науке. Их заслуги уже давно признаны западной историографией; историческая наука испытала на себе влияние идей «Анналов», и сегодня методология, основанная на «синтезе», в определенной степени есть общее правило для историков. Так же нельзя не замечать, что никогда не существовало единства взглядов у историков, объединявшихся вокруг «Анналов»; нет единомыслия и в отношении идеи «глобальной» или «тотальной» истории. Надеяться на реанимирование идей возникшей более полувека назад школы в обстановке совершенно иной ментальностиTM практически нет никаких оснований. Гуманитарное знание, к которому принадлежит и историческая наука, в значительной мере персоналистическое; повторить его в иное время и в ином месте решительно невозможно. Такая оценка и возвеличивание возможностей междисциплинарного синтеза в то время, когда все историки по команде осудили эвристичность формационного подхода при изучении прошлого, скорее говорит не о прогрессе исторического мышления, но о его кризисе. Можно утверждать, что отечественная историческая наука до сих пор пребывает в стадии глубокого и затяжного кризиса, выйти из которого в ближайшее время она не сможет. Как ни странно, но вместо ожидаемого прорыва в историческом знании, связанного с освобож-

дением истории от исполнения идеологических функций, она добровольно взяла на себя эту миссию. При подобном положении дел ни о какой объективности познания - этой ключевой проблеме методологии истории - не может быть и речи. Отсюда и происходят идейные шатания историков, их колебания от марксизма к постмодернизму; для них нет принципиальной разницы между рефлексией по поводу материалистического понимания истории, либо по поводу межпредметного знания. Что касается междисциплинарного синтеза, комплексного подхода при изучении прошлого, то больше того, что он дал в практике исторического исследования, он дать не в состоянии. Все надежды усмотреть в нем нечто сверх ожидаемого результата окажутся беспочвенными.

История как живая действительность никогда не откроет свою тайну, какими бы методами познания мы ни пытались приподнять с нее завесу - это «покрывало Майи». Навсегда сохранится такой план бытия, который для нас относится к сфере трансцендентного, и потому перевод его в сферу имманентного знания будет закрыт от нас навечно. *«В нравственном отношении причину события представляет*

власть; в физическом отношении — те, которые подчиняются власти. Но так как нравственная деятельность немислима без физической, то причина события находится ни в той, ни в другой, а в соединении обеих.

Или, другими словами, к явлению, которое мы рассматриваем, понятие причины неприможимо.

В последнем анализе мы приходим к кругу вечности, в той крайней грани, к которой во всякой области мышления приходит ум человеческий, если не играет своим предметом. Электричество производит тепло, тепло производит электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

Говоря о взаимодействии тепла и электричества и об атомах, мы не можем сказать, почему это происходит, и говорим, что это так есть потому, что это закономерно. То же самое относится и до исторических явлений. Почему происходит война или революция? мы не знаем; мы знаем только, что для совершения того или другого действия люди складываются в известное соединение и участвуют все; и мы говорим, что это так есть, потому что немислимо иначе, что это закон».

ЛИТЕРАТУРА

1. Рикер Поль. История и истина. - СПб.: Алетейя, 2002.
2. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. С. 126.
3. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
4. Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 198.
5. Бродель Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.
6. Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
7. Рикер Поль. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
8. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000.
9. Кант Иммануил. Критика чистого разума: Пер. Н.М. Соколова. СПб.: Издание книжного магазина М.В. Попова, 1902. С. 109.
10. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.

Статья поступила в научную редакцию «Философия» 20 февраля 2003 г.